

МИФОЛОГИЗМ В ПОЭТИКЕ ТИМУРА ПУЛАТОВА НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТИ "ВЛАДЕНИЯ"

<https://doi.org/10.5281/zenodo.7942401>

Нурматова Шахлохон Жахонгир кизи

Студент Ферганского государственного университета

ELSEVIER

Abstract: Художественная форма произведения складывается из отдельных образов. Их последовательность и взаимодействие между собой – важный момент, который выражает оттенки художественного содержания, и своеобразие воплощающей его формы. Эти образы могут быть различными: чаще всего они повторяющиеся, антитезные или это один образ, раскрывающийся на протяжении всего произведения. В статье рассматривается мифологический анализ повести Тимура Пулатова «Владения». Анализируются образы насекомых и коршуна в древней мифологии.

Keywords: миф, мифологизм, мифопоэтика, символ, образ, символика.

About: FARS Publishers has been established with the aim of spreading quality scientific information to the research community throughout the universe. Open Access process eliminates the barriers associated with the older publication models, thus matching up with the rapidity of the twenty-first century.

Received: 22-03-2023

Accepted: 22-03-2023

Published: 22-03-2023

Использование в сюжете мифопоэтического символа неизбежно влияет на его жанровую специфику. Эту мы можем видеть в художественной литературе, особенно в произведениях Тимура Пулатова. А именно в повести «Владения». В пустыни один день становится символом бессмертности с ее мироустройством.

Проза Тимура Пулатова отличается рядом постоянных и неизменных признаков: небольшой размер повестей и романов, ограниченное количество действующих лиц, связанных общими интересами; разработкой банальных сюжетных линий и, наконец, наличием проблем, тем и мотивов, переходящих из одной книги в другую. Оригинальность этим произведениям придаёт необычность ракурсов художественного видения прозаика, важность авторского отношения к изображаемому материалу. Главный герой в произведениях Т. Пулатова – личность сложная, неоднозначная, «промежуточный», «раздвоенный» человек. Сами герои также ощущают свою раздвоенность: «Мотаюсь, весь в бегах, ...от любящей женщины к ненавидящим торговцам, так раздваиваюсь, свожу злость и ласку, угрозы и наслаждения («Завсегдатай»). «Тарази был поэтом и ученым... Но в этой раздвоенности – его суть, сам образ жизни, судьба» («Черепаша Тарази»). «Ты «между» двумя укладами жизни – традиционным и современным, между двумя языками... – Ведь и вправду, я всегда «между» и разрываюсь. И порой так мучительно страдаю от этой раздвоенности («Жизнеописание...»).

Мифологизм берет начало в философии и эстетике немецкого романтизма, который выдвинул идею новой - творчески созданной - мифологии, строящейся по типу мифологии древней и наследующей главный ее признак - универсальность. По словам Шеллинга, «...всякий великий поэт призван превратить в нечто целое открывшуюся ему часть мира и из его материала создать собственную мифологию...» [4, с.124]. Мифологизм создается благодаря ритмическим особенностям текста, и отличительностью художественного образа. Художественная функция ритма всегда одинакова — она создает ощущение предсказуемости, «ритмического ожидания» каждого очередного элемента текста, и подтверждение или не подтверждение этого ожидания ощущается как особый художественный эффект. Однако, чтобы такое ритмическое ожидание могло сложиться, нужно, чтобы ритмические звенья успели повториться перед читателем несколько раз (не менее трех). На сюжетном, образном, идейном уровне это достижимо обычно лишь в произведениях большого объема (например, в авантюрном романе с нанизыванием эпизодов). Конечно, предсказуемость очередных элементов текста (кульминации, развязки) ощутима и в малых жанрах, но лишь по аналогии с прежде читанными произведениями того же жанра [3, с.875]. «В те короткие мгновения, когда коршун открывал глаза и наблюдал за скарабеем, он видел среди них обман и воровство. Стоит какому-нибудь жуку подтолкнуть своими зубцами шарик на верхушку барханчика, как шарик оказывается ловко отнятым у него другим, притаившимся в песке скарабеем. И тот, кто с таким искусством сотворил шарик, лишь удивленно смотрит по сторонам, не понимая, в чем дело... А тот, плутоватый, уже пустился прочь с бархана, и преследовать его бессмысленно.» [5, с. 410]. Такое повествование предполагает значительную свободу ассоциаций, и то, что одними может восприниматься как символ человеческого социума, другими видится апологией разумности природы, а вероятнее всего, жизнь человеческого сообщества устроена по тем же законам, что и всего живого на земле, — это и всеобщая универсальная картина, не знающая преград во времени и пространстве [1, с.112].

Центральным образом повести является старый коршун, который раскрывается на протяжении всего произведения. Как известно, коршун в произведениях Тимура Пулатова носит положительный характер. Есть и второстепенные герои: ветер, летучая мышь, суслик, туман. Было бы превращением свести повесть к наглядной аллегории, нравоучительному иносказанию. Здесь действия раскрывают философические и общие понятия.

Одной из особенностей творчества Тимура Пулатова является использование мифов в произведениях. Любой элемент мифа,

использованный писателем в произведении, приобретает новые черты и значения. Авторское мышление накладывается на мышление мифопоэтическое, рождая, по сути, новый миф. Рассмотрим мифологизированные мотивы произведения, с помощью которых автор пытался отразить законы природы. Повесть начинается с того времени, когда «...коршун после ночи полнолуния, облетал территорию, которая по негласному птичьему закону принадлежала ему... Такие перелёты случались раз в месяц после полнолуния... Почему нужно лететь так далеко именно после ночи полнолуния? Здесь снова в силе негласный закон птиц, и само полнолуние не и само полнолуние не играет в этом особой роли. Просто так повелось издавна, стало как сигнал... но все же, думается, в дне отлета после полнолуния есть какой-то большой смысл, в него невозможно проникнуть с умом. Инстинкт повелевает, коршуну лететь именно в этот день, ибо чувствует птица, что всякий раз после полнолуния что-то меняется в пустыне и на ее территории».[5, с. 13].

Лунарные мифы взаимосвязаны с астральными мифами, прежде всего, солярными: луна и солнце противопоставляются друг другу в рамках системы бинарных оппозиций, свойственной мифологическому сознанию. У множества народов особыми обрядами отмечается каждое новолуние. Важнейшие годовые праздники приходятся на полнолуние. Новолуние признавалась наиболее подходящим временем для сбора волшебных трав, любовной, вредоносной и т.п. магии. [2, с. 216]. Полнолуние здесь старый коршун. «Но коршун уже стареет, еще одна-две схватки в воздухе и он поймёт, что в пустыне на той её части, где стоит скала, появились более сильные особи...». Образ «умирающего» месяца выступает как символ старения коршуна, а молодые коршуны – новолуние. Любое живое существо в природе имеет свой конец и возрождение, неравномерность всего – закон природы. К этому закону подчиняется все, даже наш, когда-то могущественный, всемогущий и все покоряющий коршун. По сюжету коршун летал и охранял свою территорию, но постарел. Пустыня – это владение, представляющее смысл жизни коршуна. Без пустыни не было бы и коршуна. Перед старым коршуном стоит молодой коршун с расправленными крыльями и наклоненным клювом. Вскоре его владения передаётся молодым коршунам. После этого они начнут облетать свои территории. Это вращение не зависит от времени. Он бесконечен, цикличен. Коршун свою длинную территорию облетал не ради воды и охоты. Его беспокоила мысль о том, что, не занят ли кто-нибудь другой эту территорию.

Из выше изложенного можно сделать вывод, что коршун Тимура Платова – это хозяин, который летает каждый месяц после полнолуния.

Кроме этого он считает себя мастером «владения» и королем всех коршунов, проживающих на его территории. «Зная, что ему принадлежит территория, коршун считал себя полноценной птицей, а отними у него этот путь над пустыней, он, униженный и забытый, просунул бы в тоске клюв в песок и умер...» [5, с. 12].

Непосредственное увлечение Тимура Пулатова мифологией повести видно в образе жука-сизифа. Видеть себя владельцем собственности — это не только характерная черта коршуна, но к одним и тем же хозяевам относятся беркуты, суслики, майские жуки, газели, ящерицы, совы и ветер.

В целом повесть можно назвать философским, с помощью аллегорий автор раскрывает качества и характеры всего живого существа на земле. Мифология повести Тимура Пулатова раскрывается и в его обращении к древнегреческой мифологии на примере жука-сизифа. В тоже время автор показывает стойкость и выдержку некоторых людей перед лицом хитрых и жестоких людей. Имущество является своего рода опорой для всех живых существ, а также их богатства. Коршуны (и другие животные), возмнившие себя хозяевами определенных территорий, чувствуют свободу и спокойствие и видят этом смысл жизни.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Абуталиева Эльвира Ириковна. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Пространство и время в русскоязычной прозе Средней Азии (на материале творчества Тимура Пулатова и Тимура Зульфикарова) – Т., 1993. – 112 с.
2. Большая российская энциклопедия. Лунарные культы. – Россия 2004. bigenc.ru/ethnology/text/215
3. Николюкин А.Н. Литературная энциклопедия терминов и понятий. – Москва НПК «Интелвак» 2001. С. 799.
4. Тамарченко Н.Д. Словарь актуальных терминов и понятий. – М.: Издательство Кулагиной. Москва 2008. – С. 358.
5. Тимур Пулатов. Избранные произведения: В двух томах. Т. 1. [Вступ. ст. А. Бочарова]. – Т.: Изд-во лит. и искусства, 1990. – 544 с.